

Город Аньлин, затерявшийся в тысяче ли от Цзиньчэна, слыл самым заурядным захолустьем. Это был типичный представитель третьего эшелона — ничем не примечательный, сонный и во многих отношениях консервативный.

В отличие от бурно развивающегося Цзиньчэна, Аньлин не мог похвастаться ни мощной экономикой, ни обилием достопримечательностей. Пожалуй, единственной его гордостью был даосский монастырь Сюаньцин, примостившийся на склонах горы Юньтай. Никто из горожан и не помнил, когда он был основан; старожилы лишь качали головами, утверждая, что обитель стояла здесь всегда.

Верили люди в богов или нет, но по праздникам монастырь неизменно наполнялся паломниками. Сюда стекались жители всех окрестных городов, чтобы совершить подношение или просто прогуляться на свежем воздухе, так что благовония в храме не гасли круглый год.

Пару месяцев назад местный четырехзвездочный отель был полностью забронирован под нужды масштабного буддийско-даосского съезда. Гости заполнили и конференц-залы, и жилые номера.

Персонал гостиницы вдоволь нагляделся на странную публику: здесь мелькали и строгие монашеские рясы, и расшитые халаты, и классические костюмы-тройки. Были и те, кто предпочитал спортивный стиль или рэперские шмотки с обилием цепей. Несмотря на эксцентричный вид постояльцев, съезд был официально одобрен властями и даже частично спонсирован из бюджета. Поэтому служащие, подавив любопытство, прилежно исполняли свои обязанности, не задавая лишних вопросов.

В разгар обеда в ресторане отеля было довольно оживленно.

За одним из столиков скучал парень с забавным пучком на затылке. Он лениво ковырялся палочками в тарелке, то и дело бросая нетерпеливые взгляды на вход, явно ожидая кого-то важного.

Большинство участников съезда составляли люди почтенного возраста, однако и молодежи хватало. Любопытно было другое: несмотря на статус «религиозного обмена», настоящих юных монахов или послушников среди них почти не наблюдалось.

Взять хотя бы этого парня в брендовой одежде — одни его кроссовки стоили целое состояние. Трудно было представить в нем человека, отрекшегося от мирских благ.

Когда яичница на его тарелке окончательно превратилась в бесформенное месиво, глаза юноши вспыхнули — долгожданная цель наконец появилась на пороге.

В зал вошел юноша лет восемнадцати-девятнадцати. Он был статен и безупречно сложен: благородный разлет бровей, пронзительный взгляд темных глаз, высокая переносица и тонкие губы. Его черты воплощали в себе ту классическую китайскую красоту, которую воспевали поэты.

Одень его в старинные одежды — и перед вами предстал бы благородный муж, равного которому не найти под небесами.

Однако в изгибе его губ сквозила легкая небрежность, словно суета этого мира его ничуть не трогала. Эта черта мгновенно превращала его из холеного наследника богатого клана в отрешенного от мирской пыли заклинателя.

— Цинь-шэнь! Далао!

Парень за столиком отбросил палочки и рванулся к дверям, пытаясь ухватить холодного красавца за рукав:

— Цинь-шэнь, что будешь есть? Давай я принесу!

Цинь Гу неуловимым движением уклонился от его руки. В его взгляде промелькнуло явное раздражение.

— Мао Сяоцян, я же сказал: у меня нет времени. Хватит за мной таскаться, ясно тебе?! — Голос юноши звучал резко. — И не смей меня так называть. Оглянись вокруг — в зале полно старейшин. Вон у окна твой второй дядя уже дыру в тебе проглядел! Хочешь подставить меня? Это твоя месть за то, что я не продаю тебе талисманы?

Зная характер Цинь Гу, можно было понять: если он начал попрекать собеседника репутацией старших, значит, назойливость Мао Сяоцяня довела его до точки кипения.

Больше всего на свете он ненавидел прилипал, и этот парень был их эталонным образцом. Тот словно не слышал отказов; Цинь Гу порой всерьез подумывал вклеить ему Талисман Пяти Громов, чтобы навязчивый фанат наконец угомонился.

Только уважение к старшим клана Мао и тот факт, что его родной монастырь Сюаньцин был организатором этого съезда, удерживали его от рукоприкладства.

— Не буду я оглядываться, — буркнул Мао Сяоцян. Он и без подсказок знал, что дядя в ярости, но его это мало заботило. — Ну и пусть смотрит, от взгляда кусок мяса не отвалится.

Он понизил голос до шепота:

— Но ведь тебя все так зовут! А еще — Да Мо-ваном и Лэй-шэнем...

Заметив, как потемнело лицо Цинь Гу, Мао Сяоцянь осекся и изобразил на губах жест закрывающейся молнии.

— Цинь-шэнь, Цинь-гэ, — пролепетал он заискивающе. — Скажи, что ты хочешь, я всё мигом принесу.

Цинь Гу не стал тратить силы на споры — всё равно собеседник был на два года старше него. Юноша просто обошел его и направился к зоне раздачи.

Его преданная тень последовала следом, в точности копируя каждое движение и набирая на тарелку те же самые блюда.

Цинь Гу бросил на него красноречивый взгляд.

— Учусь у кумира! — с готовностью пояснил Мао Сяоцянь.

Цинь Гу лишь молча покачал головой.

«Псих ненормальный»

Мао Сяоцянь был не только прилипалой, но и неисправимым болтуном. Ледяное молчание Цинь Гу смогло сдержать его лишь на пару минут. Стоило им сесть за стол, как поток слов возобновился.

— Далао, ну почему ты не хочешь продать мне талисманы? Мне много не надо, всего штук семь-восемь Талисманов Пяти Громов... Ну, десять максимум. За среднее качество дам по десять тысяч за штуку, за высокое — накину еще пять. Клянусь, не обману!

Цинь Гу искренне хотел его игнорировать, но знал: если не ответить, парень будет зудеть до самого вечера. Юноша боялся, что сорвется и побьет назойливого просителя прямо здесь, при всех.

Поэтому, не поднимая глаз от тарелки, он бросил свой стандартный ответ:

— Нет времени.

Мао Сяоцянь так вытаращился, что его веки едва не превратились в двойные.

— Но я слышал, ты рисуешь их невероятно быстро! Десять штук — это же от силы две недели

работы. Мой дядя на один Талисман изгнания нечисти тратит уйму времени, но ты же Цинь-шэнь! Сто тысяч за две недели — разве это не легкие деньги?

Раньше он ни за что бы не выложил такую сумму за бумажные печати. Его семья была богата, но сам он после совершеннолетия сидел на мели — родители перестали давать карманные деньги. Эти сбережения он накопил, с трудом выполняя опасные задания.

Но на этом турнире он своими глазами видел, как Цинь Гу швырнул горсть Талисманов Пяти Громов, в мгновение ока сметая противников с поля боя. Это зрелище потрясло его до глубины души.

На самом деле этот съезд был лишь ширмой. Под вывеской «религиозного обмена» скрывался ежегодный турнир Сюаньмэнь.

Оккультное сообщество было узким и закрытым, где всё держалось на преемственности поколений. Без наставника войти в этот мир было почти невозможно, а если и удавалось — легко было свернуть на ложный путь, что в их деле означало верную смерть.

Турнир проводили для обмена опытом, но была и другая причина: везде, где есть люди, есть и соперничество. Заклинатели, какими бы отрешенными они ни казались, тоже жаждали признания. Разумеется, старейшины сами в бой не вступали — годы уже не те, да и достоинство не позволяло. Поэтому честь школ и кланов защищали молодые ученики в возрасте от шестнадцати до тридцати лет.

И именно в этом поколении Цинь Гу стал настоящим проклятием для всех остальных. С самого первого участия он буквально раздавил конкуренцию.

«Тот, кто подавляет эпоху» — это прозвище не было его похвальбой. Это был факт, признанный всеми после того, как он три года подряд забирал золото.

В первые годы он еще демонстрировал классические техники, заставляя соперников лишь бессильно вздыхать. В их ремесле опыт решал многое, но гениальность всегда брала верх. В этот же раз юноша не стал утруждать себя изысками и просто закидал всех громовыми амулетами, проложив себе путь к первому месту.

Правила не запрещали использовать артефакты и печати, но с одним условием: они должны быть созданы самим участником. Это давало шанс мастерам талисманов, которые обычно не отличались боевой мощью.

Большинство последователей Небесных Наставников изучали и каллиграфию, и ритуалы, и создание печатей — ведь в борьбе с демонами нельзя полагаться только на свои силы. Однако человеческие возможности не безграничны. Те, кто пытался охватить всё сразу, обычно оставались посредственностями. Не зря мир заклинателей делился на школы: экзорцистов, мастеров фэншуй, физиогномистов и прочих.

Иногда их пути пересекались: экзорцист мог нарисовать простой оберег, а мастер артефактов — подучить основы фэншуй, чтобы закалять оружие энергией ци.

Но Цинь Гу был иным. В свои юные годы он не только в совершенстве овладел техниками своей школы, но и рисовал талисманы так искусно, что знатоки из других кланов мечтали переманить его к себе.

Им оставалось лишь с завистью вздыхать:

«Сам Небесный Владыка благоволит этому юноше»

Сверстники вроде Мао Сяоцзя давно смирились с тем, что Цинь Гу им не по зубам, и за глаза называли его самыми невероятными именами. Знал ли об этом сам юноша? Разумеется. Но ему было плевать.

Вообще-то его дедушка по материнской линии был категорически против этого обучения. Если бы не аномально сильное духовное сознание Цинь Гу в детстве, из-за которого он едва не стал блуждающей душой, старик никогда бы не отправил внука в монастырь Сюаньцин.

Наверное, это и раздражало в гениях больше всего: им всё давалось слишком легко, и они совершенно не ценили свой дар.

Цинь Гу и не думал связывать жизнь с экзорцизмом. Участие в турнирах было лишь данью уважения его наставникам. Стоило соревнованиям закончиться, как он тут же спешил домой.

А рисовать амулеты для Мао Сяоцзя... об этом не могло быть и речи.

Цинь Гу молча ускорился. На самом деле десять талисманов не заняли бы и двух недель. С его способностями он мог бы уложиться в один день, если не гнаться за идеальным качеством — иначе он не заслужил бы звания гения.

Но создание талисмана требовало полного единения духа и плоти. Нужно было погрузиться в процесс с головой, не отвлекаясь ни на секунду. А дома он не мог позволить Сяо Бэю узнать о своей второй жизни. Где бы он нашел время для уединения?

В свободные часы куда приятнее было смотреть с Сяо Бэем кино, играть в приставку или собирать модели. Это имело куда больше смысла, чем марать бумагу кистью.

— О великий бог, ну продай хоть парочку...

Внезапно Цинь Гу вспомнил, как официант в холле упоминал о вступительных экзаменах, и нашел идеальный предлог:

— У меня скоро выпускные экзамены, времени совсем нет.

Мао Сяоцянь осекся.

— Ты в выпускном классе? — Он невольно проникся уважением. Только истинный бог мог позволить себе так расслабленно вести себя на турнире, имея на носу Гаокао!

— Да, в выпускном, — Цинь Гу промокнул губы салфеткой и поднялся из-за стола.

Мао Сяоцянь тут же вскочил следом.

— Тогда, может, продашь мне парочку после экзаменов? А?

Цинь Гу знал, что через пару дней его здесь не будет. Мао Сяоцянь понятия не имел, где он живет, так что обещание ни к чему не обязывало.

— Хорошо, — коротко бросил он.

— Спасибо, о великий! — Мао Сяоцянь едва не запрыгал от восторга. С мощными талисманами в руках он сможет брать задания посложнее, заработает кучу денег, купит еще амулетов и взлетит на самую вершину!

— Приятного аппетита. Я уйду.

— Нет-нет, я тоже закончил! Цинь-шэнь, подожди меня! Слушай, а почему ты всегда берешь каре ягненка, но никогда его не ешь? Это какой-то особый ритуал для накопления энергии?

Хорошее настроение Цинь Гу, вызванное удачным обманом, мгновенно испарилось.

Он терпеть не мог баранину. Его Сяо Бэй обожал каре ягненка.

<http://bllate.org/book/15323/1412305>